

Н.С. РОЗОВ

Конституционные ценности, смысл истории и тройственное самоиспытание обществ

Автор выделяет в мировой истории три фундаментальных типа социальных процессов: складывание, конструирование и испытание. Проводится идея тройственного испытания для типов обществ: социально-эволюционного, гуманистического и экологического. Поскольку конституции сами являются проектами устройства обществ, в ценностях и нормах конституций, их толкованиях должны, в первую очередь, учитываться эти смыслы тройственного испытания обществ в контексте мировой истории.

Ключевые слова: конституция, конституционные ценности, смысл истории, конец истории, естественное и искусственное, складывание, конструирование, испытание, общество, социальная эволюция, свобода, счастье, осмысленность жизни, справедливость, права человека, достоинство.

General philosophical justification of constitutional values is accomplished in context of the meaning of history. Three fundamental types of social processes are considered: constructing, taking shape and trials (testing, examination). The analysis leads to the idea of the tripartite testing for types of societies: the social-evolutionist test, the humanist test and environmental test. Since constitutions are themselves main projects for system of interaction in societies, these meanings of tripartite self-testing of societies in the context of world history must be considered as the basis for constitutional values, norms, and their further interpretation.

Keywords: constitution, constitutional values, a sense of history, the end of history, natural and artificial, folding, design, testing, community, social evolution, freedom, happiness, meaningfulness of life, justice, human rights and dignity.

Некоторые особо удачные конституции живут столетиями, но в России они меняются довольно часто. По-видимому, такой паттерн сохранится и в последующих десятилетиях. Судя по интенсивности и широте поднявшейся дискуссии относительно необходимости и направлений конституционного обновления, по признакам роста напряженности и назревания социально-политического кризиса в обозримое время следует ожидать попыток изменения или даже замены переживающей ныне свое 20-летие российской Конституции 1993 г. Причем произойдет это в ситуации крайне расколотого общества. Все стороны будут апеллировать к различным ценностям, как правило, считая собственные благами и самоочевидными, а чужие – вредоносными и ложными.

Замечу, что, согласно “закону Юма” [Юм, 1965], ни научные факты, ни теоретические знания сами по себе не могут быть достаточными основаниями нормативных

суждений, в том числе конституционных норм и ценностей. Но это вовсе не означает, что нормы и ценности могут только постулироваться или же выводиться из каких-либо “традиций” или священных книг.

Есть путь философского обоснования, включающий разные подходы (метафизический, априористский, аналитический, феноменологический, герменевтический и др.). Философский подход к обоснованию ценностей не обязан быть исключительно спекулятивным (полностью оторванным от опыта). В данной работе будет реализовано философское обоснование общих конституционных ценностей с учетом накопленных научных знаний исторического, социологического, политологического и психологического характера.

Смысл истории – соразмерная рамка для обновления конституции

Каждая конституция пишется для народа, страны и государства. Конституция призвана, кроме прочего, устанавливать (отчасти обнаруживать, отчасти создавать) некий образ общества, причем зафиксированные в ней ценности и нормы нередко оказывают существенное влияние на дальнейшее развитие общества.

Под общим именем “конституция” кроются документы существенно различного типа. Конституции могут быть привязаны к кратким временным периодам (“переходные” конституции), иногда они суть попытки узаконить властный произвол вкупе с жесткими механизмами принуждения (таковы конституции авторитарных режимов, как правило, предполагающие ущемление свобод, обуславливающие стагнацию и последующие социально-политические кризисы). Бывает, они выступают как результат компромисса наиболее влиятельных политических сил в момент принятия либо устанавливают лишь минимальные правила, оставляя большую свободу гражданам и сообществам (либеральные конституции, при которых упор на личную автономию, индивидуализм нередко ведет к социальным проблемам и порокам разной степени тяжести: от неумеренного потребительства и иждивенчества до наркомании, волн суицидов и немотивированных убийств).

Не бывает конституций без явных или скрытых философских предпосылок. В ранних документах такого рода (американская Конституция, французская Декларация прав человека и гражданина) предпосылками были просветительские идеи о свободе и естественных правах человека, а также о нации (народе) как источнике власти и законов. Позднее сюда добавились политико-философские идеи о справедливом, демократическом, позже – социальном – государстве, о верховенстве права, гендерном, расовом равенстве и т. д. Вполне естественно, что для любой конституции важнейшими социальными масштабами являются индивид (прежде всего, как гражданин) и государство как организация организаций, устанавливающих и поддерживающих правила взаимодействия внутри общества.

В начале XXI в. подавляющее большинство стран хотя бы декларативно претендует на демократичность, имеет свои конституции или их аналоги, но при этом по-прежнему погружено в драматическую историю, теперь уже в мир уплотняющихся глобальных взаимодействий. Все страны переживают кризисы разной глубины, многие общества претерпевают перерывы государственности и весьма разнонаправленные изменения, всегда коренящиеся в собственной истории и географии, тесно связанные с обстановкой в международном сообществе. С высоты сегодняшнего дня традиционные масштабы индивида и общества, гражданина и государства представляются недостаточными для философского осмысления сущности и предназначения конституционального устройства (хотя и могут оставаться базовыми в самом тексте конституций). Теперь природа конституции некоего общества (в том числе российского) должна быть осмыслена в контексте: а) собственной и мировой истории; б) других современных обществ; в) состояния природного окружения.

В философии есть свои темы и направления мысли, соответствующие такому масштабу. Речь идет о проблематике хода и смысла истории. Где конституция (сфера основополагающих, желателно точных и недвусмысленных юридических формулировок) и где смысл истории (область наиболее темных и сомнительных философских медитаций)? Какова между ними связь? Разумеется, конституция призвана прежде всего устанавливать правила для государства и граждан. Но для чего? С каким вектором исторического движения? Стандартных общих ответов недостаточно.

Соотнесение конституции с представлениями о ходе и смысле истории играет роль важнейшего акта исторического самоопределения общества и государства, поскольку хотя бы в общих чертах отвечает на фундаментальные вопросы: кто мы? откуда пришли? куда движемся и ради чего? какое место занимаем среди других народов?

Отмечу, что ответы на эти вопросы ни в коем случае не должны отменять прежние либеральные и гуманистические достижения человечества, прежде всего свободу мысли, свободу слова, свободу совести, что означает признание непреложности идейного, ценностного, философского, религиозного разнообразия, в том числе разнообразия взглядов на ход и смысл истории (темы, которые всегда были и, вероятно, будут среди наиболее спорных). Нужно пройти по узкой тропинке между Сциллой догматизма и Харибдой релятивизма: умудриться дать такое представление о смысле истории вообще и соответствующем предназначении национальных конституций, которое было бы достаточно широким, чтобы не ущемлять указанного идейного разнообразия, но при этом достаточно определенным, чтобы стать основой для установления конституционных норм, критериев их оценки.

Фундаментальные социальные процессы: конструирование, складывание и испытание

Предопределен или нет дальнейший ход человеческой истории? Оба крайних ответа неверны. Тезис о полной предопределенности, то есть о наличии однозначных моментов и периодов, которые настанут в будущем, симметрично тем, что уже имели место в прошлом, противоречит всему известному нам о случайности, вариативности множества процессов, а также о свободе действий индивидов, групп и больших обществ. Журналистским штампом стал тезис о полной открытости, абсолютной непредопределенности и непредсказуемости будущего человеческих обществ, однако он также неверен, поскольку при сохранении некоторых базовых условий очень многое в человеческом бытии сохранится, а значит – предопределено. Так, в глобальном масштабе, при отсутствии тотальных разрушительных бедствий можно смело утверждать, что через 5, 10 и 50 лет в мире останутся государства, города, церкви, музеи, школы и университеты. Больше или меньше станет государств (например, по критерию признания ООН), больше или меньше будет университетов (официально зарегистрированных и реально ведущих обучение) – это уже вопрос исторической динамики. Важно, что они будут, и это предопределено в рамках заданного базового условия.

В масштабе отдельного индивида предопределено, что каждый живущий человек умрет, но не предопределено, когда именно. Многое, но отнюдь не все, в судьбе каждого человека определяется тем, в какой семье, в каком месте и в какой стране он вырос, его социальным окружением, происходящими вокруг него и с ним процессами и событиями. То же можно сказать и о социальных целостностях всех промежуточных масштабов (о группах, организациях, социальных слоях, поселениях, провинциях, странах).

Итак, будущее любого масштаба отчасти определено, задано, а отчасти весьма вариативно и зависит от тут же складывающихся условий, от свободных решений и действий. Относительно социального бытия есть два полярных подхода к рассмотрению, две основных парадигмы, которые можно обозначить через категории (естественного) складывания и (искусственного) конструирования. Для каждого из этих подходов есть своя достаточно надежная сфера. Так, исход войн между противниками примерно рав-

ных сил, динамика многосторонних конфликтов, цены на рынке без доминирующих монополий, демографические и миграционные процессы складываются, поскольку ни у кого нет полного контроля над происходящим. Напротив, при наличии такого контроля, например при постройке дома, моста, туннеля, новой ветки метро, нового городского квартала, новой железнодорожной или автомагистрали, преобладают процессы конструирования.

В обществах, тем более в международных процессах, преобладает естественность, когда единого эффективного контроля над производством и реализацией возможностей нет. Большие и малые группы с разными ресурсами отчасти контролируют только свои весьма узкие сектора возможностей, обычно конкурируя и конфликтуя между собой, что и дает в результате “естественное” складывание.

Люди издавна умело оперируют видимыми возможностями в искусственных процессах конструирования, когда все средства и ресурсы обозримы и полностью управляемы. Чтобы начерченный в проекте дом стал реальным, чтобы проведенная на карте железная дорога была построена и прошла через горы и реки, чтобы обрели плоть задуманные конструкторами океанский лайнер или космический корабль, строители последовательно выполняют известные им этапы и цепочки действий, каждый раз создавая именно те возможности, последующая реализация которых продвигает строительство по намеченному пути (наглядным представлением “производства и реализации возможностей” служат сетевые графики работ в строительстве).

Мы постоянно и довольно уверенно пользуемся обоими подходами в осмыслении окружающей реальности, более или менее успешно распознавая, что *складывается* (естественно, без чьего-либо полного контроля), а что *конструируется* (искусственно, тем или иным субъектом – индивидом, группой или организацией). При всем этом мы по каким-то причинам гораздо меньше внимания уделяем третьей категории – испытанию, которой соответствует своя область процессов в человеческом мире.

Если конструирование – искусственно, складывание – естественно, то испытание – гибридно. Испытание – с одной стороны, попытка добиться успеха, достичь цели, воплотить в жизнь задуманный проект. С другой стороны, в отличие от конструирования, при испытании нет полного контроля над основными ресурсами и условиями. Обстоятельства *сложатся* так или иначе. Поэтому и испытание может привести к успеху, среднему результату или вовсе провалу. Обычно мы говорим только об институционализированных испытаниях и в крайне узких областях: в новой технике (например, испытания новой модели автомобиля или самолета), в спорте (попытки выигрыша), в образовании (экзамены). Следует раскрыть глаза на гораздо более широкую применимость этой категории.

Каждый брак задумывается, когда люди решают пожениться. Потом супруги пытаются строить свою совместную жизнь для достижения семейного благополучия и счастья, но далеко не все проходят успешно это *испытание*, о чем свидетельствует множество разводов и несчастных семей. Каждый город в какой-то мере планируется. Но некоторые города становятся весьма привлекательными, красивыми, чистыми, уютными и безопасными, в них хотят поселиться, туда стремятся туристы. Другие же города страдают от смога, мусора, автомобильных пробок, нищеты и преступности. Разве нельзя сказать, что одни градостроители, городские власти, “отцы города” выдержали свое испытание с честью, а другие позорно провалили его?

Каждое общество преимущественно *складывается*, причем в течение многих десятилетий и даже столетий. Но история крупных лидеров, государственных деятелей, тексты конституций, сводов законов, проекты реформ неизменно свидетельствуют и о попытках конструирования. Поэтому получившийся результат, качество которого наиболее четко проявляется в потоках миграции – бегут из этого общества или стремятся побывать и поселиться в нем, – это всегда итог испытания, того, как удаются или не удаются *попытки социального конструирования в складывающихся внутри общества и вокруг него обстоятельствах*.

А как нам всем вообще живется на планете Земля? Как будут здесь жить наши дети, внуки и правнуки? Нет принципиальных препятствий (кроме робости и застарелых привычек мышления), чтобы распространить категорию испытания и на все глобальное международное сообщество. Не предзаданное, а именно *возникающее* будущее придает смысл *испытания* для нашей жизни и нашей истории.

Каким образом и в какой логике можно рассуждать о таких абстрактных материях, как испытание человечества? Если правомерно об этом говорить, то в чем, собственно, оно состоит? И почему, собственно, смысл истории – испытание? Для философского обоснования этого тезиса обратимся к мысленному эксперименту относительно крайнего предела человеческого бытия – конца истории.

Философия человеческого бытия: от конца истории к идее испытания

В формальном отношении смысл истории – смысл длительности, наполненной всем тем, что делают люди и что с ними происходит. Обычно философы, по аналогии со смыслами отдельных событий, трактуют смысл истории как *смысл некоего процесса, имеющего начало и конец*. При этом предполагаемому в будущем “концу истории” произвольно приписываются ценностные, метафизические, богословские, мистические или иные характеристики.

Даже при отказе от такого приписывания следует согласиться с тем, что характер конца истории (когда бы и как бы он ни произошел) во многом определяет и ее смысл. Замечу, что онтология времени с частичной предопределенностью (см. выше), хоть и утверждает отсутствие будущего как расположенной на оси времени цепи событий, но отнюдь не запрещает суждений о возможных явлениях, в том числе и весьма отдаленных. А можно ли вообще судить *a priori* о действительном конце истории (то есть о полном исчезновении людей)? Из настоящего видятся две группы таких трагических возможностей.

Во-первых, при отсутствии способных к полностью автономному существованию внеземных человеческих колоний некие естественные процессы (связанные с эволюцией Солнца, Земли или траекторией каких-либо космических тел, излучений и проч.) могут создать условия, исключающие какую-либо возможность жизни на нашей планете (см. [Анатомия... 1999, с. 14–16, 27]). Все такого рода возможности подпадают под категорию *естественного конца истории*. Во-вторых, наступление таких условий может быть вызвано действиями самих людей (например, наступление “ядерной зимы” после серии ядерных ударов или разрушение защитных свойств атмосферы как необратимое следствие массированных промышленных выбросов) [Утюжников, 2001; Badash, 2009]. Таким образом, здесь уже речь идет об *искусственном, или антропогенном, конце истории*.

Все прочие суждения о конце истории касаются либо ожидаемых новых исторических эпох, рисуемых с разным соотношением реализма, эзотерических или технологических фантазий (торжество Сверхчеловека по Ф. Ницше или Сверхчеловечества по В. Соловьеву, цивилизация киборгов у фантастов и проч.), либо выражают полностью мистические взгляды, далекие от рациональной традиции (Страшный суд в Библии, “точка Омега” П. Тейяра де Шардена и аналоги).

Ясно, что о смысле человеческой истории, получившей *естественное завершение*, люди ничего уже сказать не смогут, поскольку по условию задачи никаких людей на Земле или вне ее не останется. Соответственно, наши размышления об этом относятся либо к представителям внеземных цивилизаций (вполне фантастических), либо к искусственно сконструированной позиции идеального внешнего наблюдателя, подобного кантовскому трансцендентальному субъекту. Предпочту второй вариант, поскольку этому субъекту можно придать не только любопытство и философичность, но также абсолютные познавательные способности, позволяющие выяснить причины произошедшей глобальной трагедии.

Итак, людей не осталось, человеческая цивилизация погибла. Естественные причины этого известны (пока неважно, какие именно). При выяснении нашим трансцендентальным субъектом последовательности событий будет раскрыта та или иная из трех главных возможностей:

- 1) глобальная катастрофа настигла планету совершенно неожиданно для людей;
- 2) о надвигающейся катастрофе было известно за некоторое время, люди начали что-то делать для спасения, но не успели;
- 3) о надвигающейся катастрофе было известно задолго, люди успели создать все, что могли придумать для спасения, но и это не помогло.

Крайние варианты (1 и 3) представляют чистые формы и указывают прежде всего на недостаточность интеллектуальных (познавательных и творческих) способностей людей: в первом случае не удалось предвидеть катастрофу, в третьем – изобрести надежный способ спасения. Вариант 2 представляет смешанную форму: не удалось заблаговременно предвидеть, не удалось изобрести способы спасения, осуществимые за короткое время, недостаточно оказалось материального и организационного потенциал, чтобы успеть спастись.

Теперь обратимся к случаю *антропогенной* катастрофы (концу истории, вызванному действиями людей). Серии мощных ядерных ударов либо разрушение защитных свойств атмосферы вследствие промышленных выбросов смогут произойти, если люди будут не способны предвидеть губительные последствия своих действий либо не способны остановить эти действия. Кроме тех же познавательных способностей предвидения здесь идет речь о способностях вести переговоры, убеждать, приходиться к взаимоприемлемым соглашениям, а также о налаживании эффективного контроля над выполнением достигнутых соглашений. Наряду с важной ролью дипломатических способностей (в широком смысле), моральной компоненты, организационных и принудительных способностей контроля, здесь также ключевую роль играет интеллектуальное творчество, поскольку только оно позволяет изобрести варианты соглашений, создающих возможность воздержания от действий, ведущих к фатальным результатам.

Все рассмотренные варианты имеют общие черты. Везде на первом плане оказываются *интеллектуальные (познавательные и творческие) способности людей, направленные на долговременное прогнозирование и диагностику всевозможных опасностей для условий человеческого существования, а также на изобретение способов и средств спасения* – защиты и поддержания данных условий, причем *в каждом варианте эти способности оказались недостаточными*. Каковы же скрытые предпосылки данного суждения?

Были бы они достаточны, то удалось бы выжить, пусть не всему человечеству, но его части, способной к воспроизводству, причем тогда конец истории не наступил бы. Нет ничего искусственного в приписывании варианту глобальной гибели атрибута неуспеха, а варианту спасения – *успеха*. Получаем следующую понятийную конструкцию: *если благодаря накопленным способностям что-то удалось сделать, то следует успешный результат, если не удалось – неуспешный*.

Теперь становится очевидным, что данная конструкция полностью соответствует категории *испытания*. Причем мы это понятие не приписывали ситуации конца истории априорно и произвольно. Вместо этого мы провели мысленный эксперимент, рассмотрели возможные варианты, выявили общие черты, раскрыли неизбежные предпосылки и пришли в результате к итогу: действительный конец истории (как прекращение существования человеческого рода) может произойти во всех случаях *неуспешного прохождения человечеством некоторого испытания*.

Мысленный эксперимент высвечивает значимость сохранения базовых условий человеческого существования, причем ответственность за это сохранение всегда существует имплицитно, но выступает на первый план при росте соответствующих опасностей. Отвлекаясь от конца истории и применяя полученные результаты к ходу продолжающейся истории, получаем следующий общий вывод: *люди, ведая или не ве-*

дая, проходят испытания на адекватное познание складывающихся обстоятельств, чреватых разнообразными угрозами, а также испытания на способность изобретения и создания способов и средств преодоления этих угроз.

Обнаруженная в предельном мысленном эксперименте значимость категории испытания заставляет задуматься о ее роли в социальной и исторической действительности. Смысл истории включает в себя сохранение существования человеческого рода, но им не ограничивается. Каким же образом получить представление о необходимом дополнительном содержании? Наряду с испытанием на сохранение человеческого рода должно быть *некое глобальное испытание, связанное с позитивным достижением*. Дело в том, что история человечества включает не только и не столько сохранение устойчивости и преодоление угроз, сколько наличие необратимых, поступательных изменений (при всех сложностях исторической прерывности и цикличности, “возвратов”, упадков и гибели отдельных обществ).

В контексте этих изменений и мирового исторического процесса предстают в определенном свете национальные конституции. По своей природе конституция – *сконструированный* проект, который подлежит *испытанию* на успешность в складывающихся внешних и внутренних исторических условиях. В некотором роде настоящая конституция (то есть составленная не для лицемерных декларативных целей, а для действительного регулирования политических отношений и процессов) – это заявка нации на испытание заданного конституцией социального порядка.

Действительно, такая конституция – всегда целенаправленно разработанный проект институционального устройства страны (политическая система, базовые правовые нормы и принципы правового регулирования), а последующий опыт жизни страны – всегда испытание данного проекта как на жизнеспособность, так и на соответствие заявленным ценностям, целям и принципам.

Получается, что конституции (ранее – своды главных законов, “кодексы” и “правды”) государств глубинным внутренним образом связаны со смысловым содержанием мировой истории, поскольку народы (нации) посредством своих конституций проходят свои исторические испытания как части общего перманентного самоиспытания человечества – смысла истории. Дело осталось за “малым” – выявить это смысловое содержание.

Три грани смысла истории как перманентного самоиспытания человечества

Вопрос о смысле истории относится к предельно высокому уровню абстракции, поэтому нуждается в исходной онтологии. В [Розов, 2002, гл. 3] было показано, что базовыми онтологическими сущностями для решения такого рода вопросов служат *человеческие режимы* (системы повторяющихся процессов с участием людей, расширение понятия жизненного уклада) и *общества* (сменяющие друг друга институциональные целостности – от групп охотников и собирателей до современных государств и их союзов, в каждом из которых действует набор таких режимов).

Далее для простоты буду говорить о типах обществ, памятуя о возможности их концептуального раскрытия через категорию режимов. Соединяя эту мысль с проведенным выше рассуждением о смысле истории как испытании, получаем простое представление о том, что *в мировой истории происходит перманентное самоиспытание типов обществ*.

Что тут считать успехом и что провалом? Как известно, многие типы обществ (общества охотников и собирателей, малые изолированные деревни, полисы, огромные аграрные и морские империи и др.) исчезли либо превратились в части иных, ныне существующих обществ, обычно оформленных как национальные государства и их конфедерации (типа Европейского союза или Британского содружества). Поэтому вполне можно считать сутью испытания эволюционные процессы конкуренции типов обществ (соответственно, доминирующих в них режимов). Назову эту сторону смыс-

ла истории *социально-эволюционной*. Однако смысл истории этим не исчерпывается. Есть еще две инстанции, в отношении которых резонно говорить об успехах и неудачах испытания обществ и режимов.

Важнейшая черта всех типов обществ и режимов состоит в том, что они могут жить только в природной среде и пользуясь ресурсами природного окружения (хотя теперь и вполне отдаленного). Известны общества, погибшие из-за истощения и деградации природной среды [Tainter, 1988; Даймонд, 2010]. Способен ли тот или иной тип общества со своими режимами существовать и развиваться долгое историческое время в гармонии с режимами природной среды – это, очевидным образом, также является испытанием. Собственно, тот же вопрос следует задать и обо всем человечестве (известная проблематика устойчивого развития на глобальном уровне). Данную сторону смысла истории назову *экологической*.

Наконец, все общества включают людей, сменяющие друг друга поколения. Разумеется, смысл человеческой истории связан с жизнью людей – индивидов и сообществ. Насколько хорошо (далее разберем этот предумышленно размытый и многосмысленный термин) живет людям в том или ином типе обществ? По своей сути данная грань смысла истории как самоиспытания человечества является *гуманистической*.

Что такое “хорошо” для людей в истории?

Любой непредвзятый взгляд на мировую историю с сотнями сменяющих друг друга поколений на разных континентах, в разных обществах, культурах и цивилизациях необходимым образом сталкивается с обширным разнообразием как образов жизни, укладов, так и представлений о том, что хорошо и плохо, должно и не должно, достойно и унижительно, что считается счастьем и несчастьем. Назову этосным данное разнообразие жизненных укладов, мировоззрений, убеждений, верований и ценностных систем. Каждую единицу этосного разнообразия резонно определить как культуру. Выделить какие-либо сквозные инварианты в этосном разнообразии – самостоятельная непростая задача.

В каждой культуре обнаруживаются свои ценностные шкалы с положительным (предпочитаемым) и отрицательным (избегаемым) полюсами – то, что в знакомой нам общеевропейской культуре принято обозначать через категории хорошего и плохого, добра и зла (ср. [Коротаяев, 2006]). В отношении жизни индивида или сообщества эти шкалы и полюса также повсеместно присутствуют. Назовем эти полюса таким образом:

- полноценная (удавшаяся, счастливая, достойная, успешная, желаемая) жизнь;
- ущербная (неудавшаяся, несчастная, недостойная, неуспешная, отвергаемая) жизнь.

Теперь попытаемся вынести за скобки всевозможные содержательные вариации, всегда связанные с картинами мира, традиционными, религиозными, идеологическими взглядами и воззрениями, выявить необходимый и универсальный каркас того, что в разных культурах считается полноценной жизнью.

Искомые смысловые элементы, с одной стороны, должны явным или неявным образом присутствовать в любой культуре, причем как в мировоззрении, этике, ценностной системе, так и в реальных жизненных практиках. С другой стороны, эти элементы не должны быть сведены только к общим тривиальным моментам жизнеобеспечения как к условиям осуществления любых интересов, ценностей и прочих ориентиров (безопасность, сохранение жизни, здоровье, пропитание, кров, одежда и т.д.). Искомых универсальных компонентов полноценной жизни нашлось три: свобода, счастье и осмысленность жизни. Выбор именно этих трех элементов требует обоснования, поскольку послужит фундаментом для последующих рассуждений.

Разумеется, *свобода сознания* и поведения в самом общем понимании – необходимое *условие* для реализации любых ценностей и интересов (детальнее см. [Розов, 1998, раздел 2.1]). При этом свобода выбора жизненного пути, свобода иметь свои

ценности, идеалы, святыни и следовать им, свобода вступления в брак, свобода выбора места жительства и рода занятий – все они имеют статус самоценных универсальных составляющих полноценной жизни.

В эпохи законного существования рабства жизнь раба никогда не считалась желательной и полноценной – ни самими рабами, ни свободными людьми. Повсеместный запрет на рабство (важными вехами которого были почти одновременные отмена крепостного права в России и отмена рабовладения в США) – крупнейшее историческое достижение универсального значения. Хотя практики порабощения остаются и рецидивируют, они уже нелегитимны и вынуждены либо уходить в тень, в преступное подполье, либо мимикрировать под обязательное государственное служение (как в Северной Корее). За свободу борются и даже умирают, противостоя принуждению, насилию, оккупации, колонизации. В этих случаях свобода – явный (зачастую важнейший) желаемый компонент полноценной жизни.

Известны культуры с терпимым отношением к несвободе и даже с сознательным отказом от свободы (положение жен и наложниц, слуг во многих традиционных культурах, в том числе в некоторых современных мусульманских странах, положение монахов и послушников в монастырях, солдат и офицеров в армиях). Однако такая жизнь считается желаемой и полноценной как изнутри самими несвободными участниками, так и извне только при одном условии – если человек попал в такую ситуацию по своему свободному выбору, а не по принуждению. Принуждение к браку, принудительное пострижение в монахи или “забывание” в рекруты против воли самого человека нигде не считаются чертами полноценной, желаемой жизни. К этому не стремятся, этого повсеместно избегают.

Счастье (благополучие, благоденствие, процветание, комфорт) присутствует как категория во всех культурах, пусть и под разными именами. Также повсеместно счастье имеет три главных составляющих, которые условно можно назвать материальным (уровень и качество жизни), деятельным (реализация своих способностей, активность, приносящая радость и удовлетворение) и социальным (принятие, признание в малых и больших кругах, отношения солидарности и взаимной поддержки, в том числе эмоциональной).

Осмысленность жизни – категория, призванная обобщить самые разнообразные ценностные (духовные, нередко выходящие за пределы комфорта, личного и семейного счастья и благополучия) устремления. Люди живут не только (а иногда и не столько) для достижения материального благополучия, счастья и признания окружением, но также для самых разных устремлений, какими бы фантастическими они ни казались извне. Живут и умирают за веру, за освобождение рабочего класса, за выполнение собственных клятв или священной воли предков, за равенство, стремятся к спасению бессмертной души, к просветлению, новому лучшему рождению, нирване, состоянию самадхи, остановке колеса сансары и прекращению страданий и т.п. Ради этого многие отказываются и от свободы, и от личного счастья (яркий пример – монахи). Творчество, научная истина, красота – примеры придающих смысл идеалов в более близкой нам современной европоцентричной культуре. При этом основные прочие претенденты на включение в состав полноценной жизни – либо частные варианты, либо условия представленных трех компонентов: свободы, счастья и осмысленности жизни.

Права человека суть социальные условия – запрет для других лиц и государства – препятствовать свободе человека (или свободам как проявлению этой свободы в разных сферах жизни), препятствовать его (ее) стремлению к счастью и осмысленной жизни.

Достоинство – необходимая (хотя и недостаточная) составляющая счастья, поскольку нельзя быть счастливым при униженном, оскорбленном достоинстве. За достоинство (честь, положение в обществе, признание, престиж) нередко борются как за самостоятельную жизненную ценность, даже жертвуя при этом каждодневным душевным комфортом – другой стороной счастья. В то же время внешняя социальная защита достоинства каждого человека (запрет на унижение) есть условие и главный

компонент полноценной жизни – счастья и осмысленности. Униженный и оскорбленный человек нуждается только в восстановлении достоинства, этот смысл обычно загораживает для него все остальные.

Здоровье, материальное благополучие также выступают и в качестве компонентов счастья, и в роли необходимых (но недостаточных) условий осуществления свобод и ведения осмысленной жизни.

Личная безопасность, возможности экономического самообеспечения – необходимые условия осуществления свобод и ведения осмысленной жизни.

Любовь, семья – известные и важные компоненты счастья и осмысленной жизни, для многих индивидов (прежде всего, женщин) главные и чуть ли не единственные, а для некоторых второстепенные или даже вовсе необязательные.

То же относится ко всем остальным ценностям человеческой жизни (выше – далеко не полный список). Все этосное разнообразие человеческих стремлений подпадает под категорию *осмысленной жизни*, иногда предполагающей счастье, а иногда его отрицающей (аскетические, ригористические, суровые формы).

Справедливость, равенство, свобода народа, величие государства, демократия, порядок и подобные ценности относятся уже не прямо к человеческой жизни, а к качествам общества. Многие из них могут играть роль внешних социальных условий для полноценной жизни членов общества (подданных или граждан). Кроме того, они нередко становятся жизненными смыслами людей (прежде всего, политиков, реформаторов, революционеров, гражданских активистов) и тогда входят в круг этосного разнообразия.

Подкреплю тезис о тройственной природе полноценной жизни аргументацией от обратного. Чтобы отвергнуть тезис о свободе, счастье и осмысленности как необходимых и достаточных компонентах полноценной жизни, потребовалось бы указать на эпохи в истории человечества, на исторические общества, культуры, цивилизации, где:

а) полноценная (то есть желательная, предпочитаемая для большинства людей) жизнь имела бы место при отсутствии свободы, возможностей стремления к счастью, воплощения своих жизненных смыслов – святынь, ценностей, идеалов и т.п.;

б) некоторые люди жили бы свободно, счастливо и осмысленно, но такая жизнь для остальных (несвободных, несчастливых, сознающих бессмысленность своего существования) не считалась бы полноценной – желательной и предпочитаемой.

При всем моем старании и известном мне разнообразии исторических и современных обществ и культур не удалось найти такие, где выполнялись бы условия (а) или (б). Когда кто-либо найдет таковые, тезис можно будет корректировать, а пока считаю его вполне обоснованным.

Социально-эволюционное испытание и требования к обществу

Здесь мы вступаем на весьма скользкую политико-идеологическую почву, поскольку очевидным образом требования к обществу (и государству как стержневой институциональной структуре современных обществ) радикальным образом различаются среди приверженцев либерально-демократической, социально-демократической, консервативной, коммунистической, националистической, монархической и прочих идеологий.

Отвлечемся вначале от спорных тем, касающихся внутреннего социального и политического устройства обществ, и выделим сквозные инварианты требований, встав на точку зрения социальной эволюции, где человеческие режимы, воплощающие их общества и типы обществ, конкурируют между собой и подвергаются “естественному” отбору.

Конституции составляются не для режимов, а для обществ. Поэтому в социальной эволюции центральное место занимает аспект сохранения, выживания обществ и их

типов, притом, что ради такого выживания общества могут и должны гибко менять состав своих режимов (в том числе, и политических).

Рассмотрим, что, собственно, означает сохранение общества в этом аспекте, соответственно, какие ценности, относящиеся уже к обществу, должны стать основополагающими в его конституции. Сразу возникает простейшая конструкция “народ на своей земле”. Общество не может считаться сохраненным, если народ со своей земли изгнан. Народ на новой земле или та же земля с новым, заселившим ее народом, – всегда иные общества. Народ должен быть способен самостоятельно выживать на своей земле (что не отрицает, разумеется, внешней торговли и прочих геоэкономических отношений). Говоря общо, для такого выживания земля должна быть *обустроена* (города, села и коммуникации, сельское хозяйство, производства, инфраструктура).

Далее, народ, подчиненный каким-то внешним силам (другим державам), не составляет самостоятельное общество, его конституция не может быть верховным законом, поскольку социальные (политические, экономические и прочие) взаимодействия подчиняются, в конечном счете, каким-то извне установленным правилам. Поэтому непреложны также ценности *свободы народа и суверенности государства*. Это предполагает либо возможности самостоятельного обеспечения безопасности (собственная армия и вооружения), либо вхождение в достаточно сильный союз (как ныне поступают многие страны Европы).

Влияние и авторитет страны на внешней арене всегда были, остаются и будут в дальнейшем важными составляющими успеха общества. Непростой вопрос – какой уровень влияния считать достаточным? Очевидным образом этот уровень зависит от соответствия амбициям элиты, влиятельных групп и большинства населения, тогда как сами эти амбиции определяются и размерами страны, и прежней геополитической и геокультурной историей. Так, огромная территория России, ее имперское и сверхдержавное прошлое детерминируют известный запрос на “величие”, поэтому любые предложения “смириться со скромной ролью региональной державы средней руки” никогда не получат широкой и устойчивой популярности. Запрос на величие должен быть удовлетворен, другое дело, что военное могущество и способность устрашать, подчинять соседей – не единственный и даже не обязательный фактор “величия” в современном мире.

Не менее труден вопрос об измерении влияния и авторитета. Еще до середины XX в. главным критерием, отодвигающим на задний план все остальные, было достижение государством военно-политического могущества. Теперь следует говорить о трех показателях:

- доступ в клуб великих мировых держав (например, уровень членства в “Большой восьмерке”);
- характер учета позиции страны этими державами по текущим международным проблемам (остаётся ли страна в изоляции или, напротив, играет лидирующую роль);
- число и влиятельность государств, поддерживающих ее политику (например, позицию в военных конфликтах или признание независимости чьих-то бывших провинций).

Государство, осуществляя принуждение, должно иметь оправдание, главное из которых – *справедливость* устанавливаемых порядков. Этот крайне сложный и многоаспектный вопрос рассмотрим далее более детально.

Наконец, *культура* как совокупность передающихся из поколения в поколение образцов сознания, поведения и материального окружения (подробнее о таком понимании культуры см. [Розов, 1992]) также оказывается необходимым ценностным компонентом сохранения общества. Народ – не только популяция, он также предполагает свою определенную, оставшуюся от прежних поколений и продолжающую развиваться культуру. Многонациональный, точнее, полиэтничный, как в России, народ, если вообще является народом, то есть неким субъектным единством, всегда включает, как минимум, два культурных слоя: множество этнических культур (в том числе, языков, диалектов) и общую для всех культуру с общим языком.

В итоге получаем следующую формулу, включающую главные общенациональные и государственные ценности: *народ со своей культурой, суверенным влиятельным государством, обеспеченной безопасностью и справедливым социальным порядком, способный самостоятельно существовать на своей обустроенной земле.*

Те же ценности можно дать таким развернутым списком:

- территория как ценность (символическое и ресурсное значения);
- человеческие ресурсы (способность защищать страну и обеспечивать ее существование);
- государственный суверенитет – способность осуществлять политику без принуждения со стороны внешних сил (что не отвергает выполнения ратифицированных международных договоров и норм международного права);
- ценности материального обустройства жизни всего общества;
- ценности справедливости;
- ценности общенациональной культуры и этнических культур.

Замечу, что многие ценности этого ряда вполне автономны от обсужденных выше ценностей человеческой жизни (личная свобода, счастье и осмысленность). Люди могут быть порабощены, несчастливы, могут считать свою жизнь бессмысленной, однако общество способно продолжать существовать, иметь культурные достижения, быть влиятельным, даже побеждать и завоевывать другие общества. Поэтому требования к обществу должны быть дополнены *условиями* свободной, счастливой и осмысленной жизни его членов, но это уже предмет дальнейших рассуждений.

Тест на справедливость – фактор благополучия общества и устойчивости государства

Норма для всех современных обществ – государственность. При отсутствии государства территория становится полем гражданской войны или рецидивирующих военных конфликтов между группировками, с бандитизмом как образом жизни для многих, отсутствием правового порядка и безопасности (Афганистан, Сомали, некоторые страны Центральной Африки). Любое государство устанавливает и поддерживает некий внутренний порядок, нуждается в экономических ресурсах и защите, поэтому всегда ограничивает свободы граждан и тем или иным способом изымает у них ресурсы, реализуя монополию на легитимное насилие на территории [Вебер, 1990, с. 645], принуждая население к труду и войне [Карнейро, 2006].

Чтобы терпеть государство и поддерживать его, людям нужны оправдания, без которых “голое” принуждение становится крайне затратным. Оно ведет к неустойчивости режима, чревато мятежами и распадом, то есть такое общество скорее “проваливает” свое историческое испытание, а не выдерживает его.

Оправдания (то есть основания легитимации самого государства и его порядков) могут иметь самый разный характер: отсылка к мифам и священным религиозным книгам, традиционность монархических династий, популистские акции и практики, защита прав и свобод граждан, смена власти на основе народного волеизъявления (демократичность), привлечение граждан к принятию решений (партиципаторность, республиканизм) и др. Иными словами, здесь имеется свое этосное разнообразие в аспекте политических ценностей и идеалов.

При этом есть сквозная характеристика социально-политических, правовых и социально-экономических режимов (включающих институты, нормы и практики), устанавливаемых государством, – уровень справедливости. Сложность состоит в том, что за термином “справедливость” скрывается широкое разнообразие значений, связанное уже не только с этосным разнообразием политических культур, но и с богатой традицией философии политики и философии права. В этой сложности нужно выделить, по крайней мере, следующие аспекты:

- социальные сферы взаимодействия, где особо значима справедливость: экономические отношения и права собственности, налоги и сборы, государственная под-

держка и социальное обеспечение, уголовное и гражданское право, возможности получения образования и медицинской помощи и др.;

– базовые структурные типы и модели справедливости: равенство перед законом, равенство возможностей, оправданность привилегий, распределительная справедливость, справедливость вознаграждений (см. [Ролз, 1995]);

– потенциальная и актуальная конфликтность между результатами воплощения этих моделей (например, справедливость равных прав наследования накопленного капитала противоречит справедливости как равенству возможностей);

– конфликтность между требованиями справедливости (например, в повышении заработной платы, в снижении налогов, порядке налогообложения или в правах на вырубку леса, охоту и рыбную ловлю) и значимыми для общества параметрами (экономическое благополучие, наполняемость бюджета, сохранение окружающей среды);

– игнорирование государством, общественными группами таких конфликтов либо попытки их разрешения с той или иной успешностью;

– частные, конкретные модели справедливости, явно или неявно заложенные в государственных институтах, нормах и практиках;

– субъективные, осознанные и неосознанные представления о справедливости и ее критериях у разных групп населения;

– (не)соответствие между этими представлениями и заложенными в институтах моделями.

С учетом всей этой сложности проблема справедливости общества была и остается, вероятно, одной из самых острых, обсуждаемых и трудных для решения, в том числе в дискуссиях относительно конституционных ценностей, норм и их толкований.

Экологическое испытание и ценности природосохранения

Хотя того общества и государства или нет, но все они также испытываются на бережное и разумное отношение к природным богатствам своей территории. Три важнейших аспекта этой процедуры становятся явными при указании на типовые случаи провалов в таких испытаниях. В истории известны общества, попросту погубившие свое природное окружение, которое утратило кормящую способность, в результате чего такие общества либо мигрировали, либо претерпевали жестокий мор и деградировали.

Наиболее яркий пример приводит Дж. Даймонд в книге “Коллапс” [Даймонд, 2010]. Выведение лесов на острове Пасхи привело к прекращению рыболовства, охоты на птиц и выветриванию почв, в результате чего население сократилось на несколько порядков. Приплывшие на остров европейцы столкнулись лишь с несколькими десятками голодных людей, ютящихся по пещерам, питающихся мышами и насекомыми. Этот случай наиболее драматичен еще и потому, что оставшимся людям некуда и не на чем было мигрировать.

Множество других случаев сведения лесов, необратимого истощения и засоления почв, исчезновения рек и озер вследствие ирригационных мероприятий, полного истребления животных и птиц, ранее служивших важным источником пищи и др., свидетельствует о том, что многие общества проваливали экологическое испытание, причем не только в индустриальную эпоху, а издавна. Резонно данный аспект испытания назвать *сохранением производящей способности территории*.

Земля может продолжать кормить либо служить источником ценных ресурсов (руды, угля, газа, нефти, редких металлов, алмазов и проч.), но становится неприглядной, весьма неприятной для жизни (в пределе – зараженной вредными отходами, опасной для здоровья и жизни). Здесь перестают селиться, остаются лишь те, кому вовсе некуда податься. Приезжают добытчики, продолжая портить и замусоривать ландшафт, а после истощения ресурса покидают получившуюся “мерзость запустения”. Явным образом в таких случаях провалено *испытание на сохранение пригод-*

ности, комфортности природного окружения для жизни и отдыха, на согласование экономической деятельности и сохранения ландшафтов.

Наконец, с 1960–1970-х гг. подъем экологического движения привел к установлению особой, уже прямо не связанной с человеческими потребностями ценности – сохранения природы, разнообразия видов животных и растений, целостных биоценозов. Коротко этот аспект экологического испытания назовем *сохранением биоразнообразия*.

Конституция как проект общественного устройства в перманентном самоиспытании человечества

На основе проведенных рассуждений приходим к следующим выводам. Смысл мировой истории многогранен и изменчив, поскольку росло и существенно менялось разнообразие сообществ, их культур и человеческих стремлений. Однако при этом остается универсальным смысловое содержание истории: перманентное самоиспытание человечества на создание таких социальных форм (режимов, типов обществ), которые в условиях возобновляющегося дефицита ресурсов и соответствующих конфликтов сохраняются сами, сохраняют природное окружение, а главное – позволяют индивидам и сообществам жить свободно, осмысленно и счастливо. В этом ракурсе вся мировая история состоит из испытаний, а социальные установления – это проекты общественных устройств или части таких проектов, могущие пройти или не пройти испытание.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к природе и предназначению конституции. Ведь каждая конституция – более или менее целостный проект будущего устройства государства и общества. Поэтому конституционные ценности заложены в самом смысле тройственного испытания: социально-эволюционного (сохранение и роль общества среди других обществ), гуманистического (обеспечение условий для свободы, счастья и осмысленной жизни граждан) и экологического (сохранение производящей способности, комфортности природного окружения и защита биоразнообразия, целостных биоценозов).

Такова общая принципиальная основа для выявления специфики национальных (в нашем случае – российских) конституционных ценностей, для чего потребуются учитывать особенности национального менталитета и исторической динамики страны, но это уже тема отдельного рассуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анатомия кризисов. М., 1999.
Вебер М. Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избр. произв. М., 1990.
Даймонд Дж. Коллапс. М., 2008.
Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2010.
Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2006.
Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992.
Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М., 2002 (<http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/fti/>).
Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск, 1998 (<http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/val/>).
Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
Утюжников С.В. Моделирование распространения загрязнений над большим пожаром в атмосфере // Соросовский образовательный журнал. 2001. №4.
Юм Дж. Трактат о человеческой природе // *Юм Дж.* Собр. соч. В 2 т. М., 1965.
Badash L. A. Nuclear Winter's Tale. Cambridge (Mass.), 2009.
Tainter J. The Collapse of Complex Societies. Cambridge–New York, 1988.